

В храме Апостолов Петра и Павла, что в деревне Лужки, идет воскресная служба-литургия. Храм небольшой, возрожденный, живет активной христианской жизнью, помогая, укрепляя и насыщая. Горят лампы и свечи, и от этого уют-

но и тепло по-домашнему, только где-то почти у сводчатого купола приоткрыты небольшие оконца. От слабого дуновения холодного воздуха пламя свечей слегка колышется. Чувствуя поток свежести, я поправляю на плечах белый кружевной

платок. Мысль о богослужении рассеивается (прости, Господи, душу мою грешную), и я вспоминаю.

Этот платок очень много лет назад мне подарила моя подруга Вика. Она протянула мне что-то воздушное и нежное и сказала:

«Леночка, возьми в подарок этот платок. Его связала мама из очень тонкой шерстяной нитки. Видишь, он легкий, как пушинка, но очень теплый. Пусть будет от меня память».

Меня тогда поразила сила этого подарка. Вещь, к которой прикасались руки матери не один вечер, была отдана мне. Это несравненно дороже любого, даже очень дорогого сувенира, купленного в магазине.

Много лет я укрывала плечи этим воздушным кружевом и удивлялась тому, как он меня согревал, но понимание ценности подарка с годами стерлось. И вдруг в храме я вновь испытала то почти забытое пронзительное чувство благодарности. Благодарность — как Божия милость, сущая в храме.

Некоторые вещи, особо любимые, живут в наших домах очень долго. Реклама кричит, навязывает, заманивает, а я достаю при необходимости из шкафа старенький желтый термос, когда-то оставленный мне моей подругой Симой. Она готовилась уехать в Америку, и ворох вещей, нужных и ненужных, надо было пристроить-распределить по родным и знакомым. Конечно, мне очень хотелось получить какую-нибудь хрустальную штучку, такую модную в те времена, но мне достался термос. Это был подарок от близкого и уважаемого

мною человека, а значит, и к оставленной вещи было отношение уважительное.

Менялись места моего обитания, и я перевозила термос, каждый раз аккуратно упаковывая, с места на место. Теперь он обосновался у меня в шкафу, в любимом мною загородном доме. Я завариваю в нем шиповник или душистую таволгу, растущую в ближайшем лесу, и с наслаждением пью ароматный чай. Конечно, я купила китайские блестящие термосы, но они не хранят тепло так, как мой любимый желтый термос. Уже исполнилось тридцать лет, как мы существуем с ним рядом. Совсем недавно я поняла: термос — это символ наших с Симой нежных и теплых отношений, которые остались прежними несмотря на расстояние, нас разделяющее, и годы, прожитые вдали друг от друга.

Так получилось. Сын ушел с работы, не найдя новую. У меня внутри все кипело: «Ну разве можно уходить вот так, в никуда?» У нас с ним очень близкие и доверительные отношения, и я понимала, как необходима ему материнская поддержка, но внутренне одобрить его решительность было крайне сложно. Когда я сказала: «Поступай так, как считаешь нужным», то услышала: «Мамочка, я знал, что ты меня поймешь.

Спасибо тебе». И я поняла, что предел терпения сыном был исчерпан полностью. Он должен был либо раствориться в системе подавления и власти, либо поступиться своими жизненными принципами. Я увидела не слабость его, а силу.

А потом начался многомесячный поиск работы. Изматывающий и не повышающий самооценку. Газеты пестрели рекламными «зазывалками», а на деле оказывались пузырями аферных сделок.

Я обратилась к своим многочисленным знакомым, но никто не откликнулся: ни те, кто мог в силу своего высокого положения помочь, ни те, кому в такой же ситуации когда-то помогла я. Двери были наглухо закрыты. Видимо, шел непростой процесс обучения сына долготерпению и смирению. И тогда я позвонила своей подруге Анечке. Она откликнулась, услышала материнскую душевную боль и восприняла ее как собственную. Я знаю, как непросто было ей уговорить, убедить тех, кто принимал такое решение, оказать помощь, но она этого добилась.

Доброе сердце возвращает добрые дела, и становятся они щедрым подарком нуждающейся душе.